

Геннадий ЧЕЛНОКОВ

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ П.А. ВЯЗЕМСКОГО

В 80-х годах XIX века личная библиотека И.А. Гончарова пополнилась несколькими книжными преподношениями, доставившими ему, как всегда, радость и искреннее удовлетворение. Среди них было несколько томов Полного собрания сочинений П.А. Вяземского. Издание было предпринято уже после его смерти мужем внучки Екатерины Павловны графом С.Д. Шереметевым. Сочинение выходило с 1878-го по 1896 год в издательстве М.М. Стасюлевича. Восемь вышедших к тому времени томов были подарены сыном П.А. Вяземского Павлом Петровичем. П.П. Вяземский был человеком образованным, весьма увлечённым и деятельным: археограф, литературовед, исследователь, коллекционер. Он являлся владельцем усадьбы Остафьево в 1865 – 1888 годах, превратив её в музей. П.П. Вяземский был неутомим и в общественной работе, и на службе: избирался сенатором, занимал пост начальника Главного управления по делам печати, а также его заслугой было учреждение «Общества любителей древней письменности», о подвижнической деятельности которого знали все просвещённые люди России. Павел Петрович в доме отца неоднократно виделся и общался с А.С. Пушкиным, который однажды сделал в его альбоме такую запись: «Душа моя Павел, держись моих правил...». П.П. Вяземский хорошо знал И.А. Гончарова как большого писателя, как бывшего сослуживца отца и почитателя творчества Петра Андреевича. И счёл своим долгом преподнести тома собрания сочинений отца с надписью, собственноручно сделанной на обложке первого тома: «Ивану Александровичу Гончарову в память покойного и в знак уважения от Павла Вяземского». Это преподношение было дорого Гончарову не только потому, что Петр Андреевич был известным поэтом, критиком, имел уважение, почёт и заслуженный авторитет в литературном мире, вел дружбу с такими писателями и поэтами, как В.А. Жуковский, К.Н. Батюшков, А.И. Тургенев, В.Л. Пушкин и др., но и потому, что они были тесно знакомы, их несколько лет связывала совместная служба в правительенных учреждениях.

В мае 1835 года Гончаров, переехав из Симбирска в Петербург, поступил на службу в Департамент внешней торговли Министерства финансов, вице-директором которого был П.А. Вяземский. Совместная с ним служба продолжалась и позже. В 1856 году, уже после возвращения из кругосветного плавания, Ивану

Александровичу была предложена должность цензора в Петербургском цензурном комитете, вошедшем в 1857 году в структуру Министерства народного просвещения. П.А. Вяземский занял там должность товарища министра и возглавил Главное управление цензурой. И.А. Гончаров начинал служить цензором этого ведомства под его руководством. Начало служебной карьеры самого П.А. Вяземского состоялось благодаря помощи, поддержке и ходатайству симбирян Н.М. Карамзина, И.И. Дмитриева и их хороших знакомых в столичных правительенных кругах. Ка-

рамзин, вошедший в семью А.И. Вяземского в качестве зятя, после смерти князя по его завещанию взял на себя всю заботу о воспитании и образовании пятнадцатилетнего сына Петра. Это завещание Карамзин воспринял со всей серьёзностью и ответственностью, исполнив его добросовестно и до конца. Николай Михайлович сопровождал Петра Вяземского в Петербург для устройства в должности, помогал советами, не оставался безучастным в его делах, творчестве, посвящал его в свои творческие и издательские планы, всегда с теплотой и радостью встречал его в своём доме, многие часы они вместе проводили и в подмосковном

Петр Вяземский

Остафьеве. Родственные связи П.А. Вяземского с Н.М. Карамзиным, затем служебные и товарищеские взаимоотношения с И.А. Гончаровым, а также знакомства с другими известными их земляками сблизили Павла Андреевича с симбирянами и Симбирском. Он был в курсе многих событий, торжеств, встреч, которые проходили в городе. В частности, страшный пожар, случившийся в Симбирске в 1864 году, в результате которого погибла Карамзинская общественная библиотека, вызвал в нём искреннее сочувствие этой беде. П.А. Вяземский ещё в 1833 году принимал участие в сборе средств на сооружение здания – памятника Н.М. Карамзину в Симбирске, пожертвовав на это дело 100 рублей. В предполагавшемся здании наряду с другими помещениями планировали открыть и библиотеку. Но этот план не был реализован, а библиотека получила помещение в здании Дворянского собрания и была открыта для посещений в 1848 году. Она комплектовалась главным образом за счет пожертвований. После же пожара началось второе рождение библиотеки, по сути, она возрождалась из пепла. П.А. Вяземский тоже не остался равнодушным к общей беде симбирян и передал в дар 78 книг из

своего собрания, в числе которых были собственные произведения и даже книги с автографами. Так, например, несколько позже, в 1866 году, в типографии Императорской Академии наук было отпечатано небольшим тиражом стихотворение П.А. Вяземского «Тому сто лет», которое посвящалось столетию со дня рождения Н.М. Карамзина. Вместе с другими книгами П.А. Вяземский счёл нужным подарить издание И.А. Гончарову, и все они потом поступили в Карамзинскую общественную библиотеку. Пересыпку их вместе с книгами И.А. Гончарова в 1868 году организовал книготорговец и издатель Д.Е. Кожанчиков.

Петр Андреевич Вяземский родился в Москве в старинной дворянской семье. Большое влияние на его становление оказала атмосфера отцовского салона, который посещали сливки литературного и аристократического общества. Литературная деятельность Вяземского охватывала около 70 лет. Поэт, критик, историк литературы, замечательный мемуарист, он в каждой из этих областей оставил ценное наследие. Вяземский всю сознательную жизнь, то есть с ранней молодости, проявлял интерес к истории русской литературы и русского общества. В его архиве сохранилось более 30 записных книжек, которые он начал заполнять с 1813 года своими наблюдениями, размышлениями, услышанными рассказами, замечаниями, удачными словами и выражениями. С 1820 года Вяземский начал их выборочно и анонимно издавать под общим названием «Старая записная книжка». Начата в 1813 г. в Москве. Заметки библиографические, характеристические, литературные и житейские. Записки, написанные своеобразным, колоритным, острым языком, отразили богатство его интересов, наблюдательность и энциклопедическую образованность. Они до сих пор представляют увлекательное чтение, а для исследователей истории европейской культуры это неоценимые материалы и свидетельства из области политики, истории, литературы, быта.

Первые шесть томов Полного собрания сочинений, вышедшие из печати и полученные в дар, у Ивана Александровича долго не залежались. В 1881 году вместе с другими книгами он выслал их в Карамзинскую общественную библиотеку. В конце 1882 года издатели подготовили и выпустили 8-й том, который включил в себя «Старую записную книжку» объёмом 524 страницы. Этот том представляет большую ценность своим уникальным содержанием. По получении его Гончаров, насколько позволило ему ухудшающееся зрение, познакомился с содержанием и в январе 1883 года выслал книгу опять же библиотеке родного города со словами, написанными размашистым почерком по нижнему полю титульного листа: «В Симбирскую Карамзинскую общество. библиотеку от И.А. Гончарова. 1883». Учитывая значимость акта и ценность этого тома для укомплектованности собрания сочинений П.А. Вяземского, председатель комитета библиотеки выразил благодарность Ивану Александровичу за восьмой том особым письмом.

Сегодня нельзя без трепета, волнения и гордости держать в руках этот бесценный дар – книги с автографами. А гордость переполняет сердце и сознание потому, что все эти ныне бесценные книги, хранящиеся в массивных шкафах XIX века, являются подлин-

ными экспонатами едва ли не единственного в России уникального музея Ульяновска – «Карамзинская общественная библиотека».

Восьмой том сочинений П.А. Вяземского с его «Старой записной книжкой» является весьма ценным ещё и потому, что поэт, находившийся в родственных связях с Карамзиной, оставил подробные и трогательные воспоминания о Николае Михайловиче правдиво и искренне поведав о его скромности, независимости, бережливости, о том, как и сколько он работал, отдохнул, чем и как питался, как вел себя в быту, с родственниками, какие у него были привычки, пристрастия и о многом другом.

Листая одну за другой пожелтевшие страницы «Старой записной книжки» П.А. Вяземского, испытываешь такое чувство, что как будто бы приоткрыл завесу и заглянул в далёкий XIX век, полный интересных и разнообразных событий, побывал в кругу знаменитых людей. В череде заметок и записей этой книги моё внимание привлек восьма любопытный факт, раскрывающий почти анекдотический, но реально произошедший случай, в котором одним из действующих лиц вынужденно оказался Н.М. Карамзин. Пересказать этот случай – цель данной публикации, содержание которой может вызвать интерес у читателей-книголюбов. Вот о какой курьёзной истории поведал П.А. Вяземский.

Князь А.М. Белосельский-Белозерский был известным всей Москве вельможей, отцом умной и образованной, не менее известной Зинаиды Волконской. Он слыл весьма любезным и просвещённым человеком, был членом нескольких учёных обществ, автором трудов по искусству. Он являлся ещё и поэтом, но поэтом «бедовым», его поэтические вольности были «безграничны до невозможности». Его перу принадлежал один поэтический перл – оперетка под названием «Оленька», которая однажды была поставлена дворовой труппой домашнего театра А.А. Столыпина. «Оперетка кн. Белосельского», – писал П.А. Вяземский, – была приправлена пряностями самого соблазнительного свойства. Хозяин дома в своём нелитературном простосердечии, а может быть, и вследствие общего вкуса стариков к крупным шуткам, которые кажутся им тем более забавны, чем они не очень целомудрены, созвал московскую публику к представлению оперы Белосельского». Сначала шло все чинно, гладко и благополучно. Затем вдруг посыпались из уст героев оперы шутки, откровенные выражения и реплики нелицеприятного толка, оскорбительные для дам и их целомудренных дочерей. Действие переходит со сцены в зал, в публику: сперва последовал шепот, потом ропот. Некоторые благопристойные мужья с женами и их чадами, не дождавшись конца спектакля, начали покидать зал, за ними спешно потянулись другие, пожилая часть публики, гордо и чинно неся на головах парики, своим демонстративным уходом тоже выразила крайнее недовольство. Зал быстро опустел – назревал театральный скандал. На другой день слухи и пересуды начали распространяться по Москве, а потом добрались до Петербурга, об этом представлении узнали в правительстве, а затем дошло и до самого императора Павла I, недавно взошедшего на трон. Нависала серьёзная угроза над автором и хозяином домашнего театра.

Спустя две недели испуганный Белосельский-Белозерский вбегает к Н.М. Карамзину со словами: «Спаси меня: император Павел Петрович повелел, чтобы немедленно прислал ему рукопись моей оперы. Сделай милость, исправь в ней все подозрительные места, очисти её, как можешь и как умеешь». Николай Михайлович, спасая вельможу, немедля принялся за исправление и редактирование текста, за действительное его «очищение». Спешно следовало убрать из текста все «солёные» места, чтобы он предстал перед главным цензором невинным и глуповатым. Быстро переделанный текст на всякий случай и для большей убедительности было решено ещё и отпечатать. На титульном листе печатного экземпляра книги были представлены следующие данные: фамилия автора отсутствовала, а заголовок гласил «Оленька, или Первоначальная любовь». В качестве места и года издания стояло: «Село Ясное, 1796». По нижнему краю титульного листа стояли слова, обычно располагающиеся на обороте титула: «Печатано с указанного дозволения». Титул украшен довольно милой виньеткой предметно-растительного содержания, венчающейся двумя голубками. Графика в оригинале выполнена пером, явно в спешке и небрежными штрихами, вероятно, художник-график получил от автора также спешное задание.

К назначенному времени коллективное творение было представлено Павлу I и убедительнейшим образом доказало «невинность» текста и сняло абсолютно все подозрения – император посчитал все ранние слухи ложными. «Всё окончилось благополучно, – писал П.А. Вяземский, – ни автору, ни хозяину домашнего спектакля не пришлось быть в ответственности».

В истории книгопечатания довольно редко художественные произведения печатались штучными экземплярами. В описанном случае, однако, книга печаталась только для Павла I, в императорских покоях, естественно, она не задержалась, но и в макулатуру, как оказалось, тоже не попала; а пошла по свету от одного библиофила к другому и в конечном итоге к середине XX века один её экземпляр попал в руки известному всей стране библиофилю Н.П. Смирнову-Сокольскому. И более того, в XIX веке книга ещё была и описана библиографом Н.В. Губерти в «Материалах для русской библиографии. Часть 2». В этом описании после библиографических данных он привел такую характерную надпись-отзыв о содержании книги, сделанную одним из предыдущих её владельцев: «Ныне пишут помягче этого и поскладней, а это немножко дурковато». Вот уж поистине не в бровь, как говорит-ся, а прямо в глаз! Плод вынужденного совместного труда А.М. Белосельского и Н.М. Карамзина, о чём поведал нам П.А. Вяземский, увенчался неожиданным и таким желанным успехом, если «Оленька» получила такую «высокую» оценку у читателей – «немножко дурковато». Тогда подобная рецензия и оценка мало беспокоила создателей этого «шедевра», главное, была предотвращена нависавшая кара всесильного. Возможно, в своих воспоминаниях П.А. Вяземский произошедшее событие немного приукрасил, придал ему анекдотическое повествование, но, однако, это действительно случившийся факт. Забавный рассказ о создании коллективного драматического «творения» достоин, по словам Н.П. Смирного-Сокольского, разряда литературных мистификаций.